

„Веч. Ленинград“
20 марта 1968.

ЧИТАЕТ

НАШИ ГОСТИ

СУРЕН КОЧАРЯН

В КОНЦЕРТНОЙ жизни Ленинграда — событие: приехал Кочарян, читает нам немеркнущие произведения из сокровищницы мировой литературы. Сразу хочется посетовать: Кочарян не был в Ленинграде около трех лет. Надо думать, не артист виновен в этом.

Заслуга народного артиста РСФСР и Армянской ССР Сурена Кочаряна в пропаганде лучших образцов мировой литературы и народного эпоса общезвестна. Десятки тысяч слушателей полюбили его уникальные литературно-художественные композиции. Кочарян — единственный в стране чтец, который заставляет ожить на нашей литературной эстраде титанических героев Руставели и Гомера, юных и жизнерадостных женщин Боккаччо, сказочные картины армянского эпоса, которые, сколь бы ни были они фантастичны, всегда становятся обобщенными картинами жизни.

Но это не исчерпывает заслуг артиста, проблем его мастерства. Они заключаются не только в том, что Кочарян с блеском возрождает полнозвучность шестнадцатисложного древнегрузинского поэтического размера шаири или превращает свою речь в тончайшее словесное кружево, обращаясь к изысканной прозе Боккаччо. Главное состоит в том, что и древнегрузинская классическая поэзия, и проза итальянского Ренессанса, и сказки «Тысяча и одна ночь» служат для Кочаряна не только основой для зна-

комства слушателей с шедеврами человеческого гения, но и средством вести со своей аудиторией разговор о больших вопросах современности, о вечных и непреходящих вопросах жизни.

Читая, к примеру, «Декамерон», книгу, написанную от лица ее автора, Кочарян перевоплощается в Джованни Боккаччо, доказывая, кстати, что высокое чтецкое искусство — это тоже театр. А перевоплотившись, делает итальянского новелиста далекого прошлого нашим современником.

«Благородные юные дамы... я намерен кратко возразить по поводу кое-чего, что иная из вас могла бы высказать, пользуясь тем, что меня уже здесь не будет и некому будет держать ответ...» — начинает рассказчик третье отделение своей композиции. И возникает иллюзия, что перед нами — сам Джованни, веселый, озорной, жизнелюбивый человек, который, вопреки времени и смерти, неизменно является — вместе с актером, чтобы держать ответ перед своими милыми слушательницами, чтобы снова и снова сражаться с пошлостью, с церковным и житейским ханжеством, которые иногда и в наше время не меньше омрачают человеческую радость, полноту жизни, любовь, чем это было во Флоренции четырнадцатого века. Кочарян как бы утверждает, что время, когда Боккаччо «здесь не будет и некому будет держать ответ», никогда не наступит.

Если в «Декамероне» так сильно и радостно звучит у Кочаряна гимн любви, то мысль о глубокой и преданной человеческой дружбе поднята им в композиции «Витязя в тигровой шкуре».

Говоря об этой работе Кочаряна, академик Г. С. Ахвледиани высказал удивительно верную мысль: «О классике, окруженной в нашем сознании лишь традиционной славой, мы подчас имеем смутное представление и тем самым лишены эстетического наслаждения от приобщения к ней». Сурен Кочарян теснит в нашем сознании эту «традиционную славу», сбывает из нашей памяти этот «хрестоматийный глянec» и захватывает каждого в зале страстями и страданиями героев Шота Руставели. И снова будто сжимается, исчезает время, и полная драматизма и героического накала судьба витязя в тигровой шкуре Таризля становится нашей заботой, тревогой каждого, возбуж-

дая благородные, лучшие движения сердца.

В самом деле, поиски Таризлем своей возлюбленной, бескорыстная его дружба с двумя другими витязями и смельчаками, подвиги, совершенные во имя счастья, — все это отличается у Кочаряна от наших собственных сегодняшних высоких забот, может быть, лишь наличием непривычных слуху имен и названий да еще некоторой поэтической преувеличенностью страстей, которая как раз и способна сблизить творение далекого от нас мастера-поэта и далекие от нас по времени события в единый узел с нашими чувствами.

БЫВАЮТ такие сценические работы, которые заведомо предназначаются для сравнительно короткого существования. Мы, чтецы, среди различных работ делаем и такие, которые отмечают какой-нибудь литературный юбилей или откликаются на новое литературное имя. В этом нет ничего дурного: чтецкое искусство чрезвычайно мобильно и может все это делать первым. Но есть и в искусстве художественного чтения такие создания, которые поднимаются по своему значению до уровня классики, до высот общечеловеческих забот и страстей. Такие литературные программы должны звучать на чтецкой эстраде постоянно, подобно тому как всегда должны возвращаться на экраны «Броненосец «Потемкин», «Чапаев» или «Обыкновенный фашизм», подобно тому как никогда не сойдут со сцены Шекспир, Мольер, Островский, Чехов. Именно таким непреходящим значением отмечены монументальные программы Сурена Кочаряна.

Марина РАКОВА,
дипломант Всероссийского
конкурса чтецов

5

20 МАР 1988

Вечерний Ленинград
Ленинград

ЧИТАЕТ

НАШИ ГОСТИ

СУРЕН КОЧАРЯН

В КОНЦЕРТНОЙ жизни Ленинграда — событие: приехал Кочарян, читает нам немеркнущие произведения из сокровищницы мировой литературы. Сразу хочется посоветовать: Кочарян не был в Ленинграде около трех лет. Надо думать, не артист виновен в этом.

Заслуга народного артиста РСФСР и Армянской ССР Сурена Кочаряна в пропаганде лучших образцов мировой литературы и народного эпоса общеизвестна. Десятки тысяч слушателей полюбили его уникальные литературно-художественные композиции. Кочарян — единственный в стране чтец, который заставляет ожить на нашей литературной эстраде титанических героев Руставели и Гомера, юных и жизнерадостных женщин Боккаччо, сказочные картины армянского эпоса, которые, сколь бы ни были они фантастичны, всегда становятся обобщенными картинами жизни.

Но это не исчерпывает заслуг артиста, проблем его мастерства. Они заключаются не только в том, что Кочарян с блеском возрождает полноту шестнадцатисложного древнегрузинского поэтического размера шаири или превращает свою речь в тончайшее словесное кружево, обращаясь к изысканной прозе Боккаччо. Главное состоит в том, что и древнегрузинская классическая поэзия, и проза итальянского Ренессанса, и сказки «Тысяча и одна ночь» служат для Кочаряна не только основой для зна-

комства слушателей с шедеврами человеческого гения, но и средством вести со своей аудиторией разговор о больших вопросах современности, о вечных и непреходящих вопросах жизни.

Читая, к примеру, «Декамерон», книгу, написанную от лица ее автора, Кочарян перевоплощается в Джованни Боккаччо, доказывая, кстати, что высокое чтецкое искусство — это тоже театр. А перевоплотившись, делает итальянского новеллиста далекого прошлого нашим современником.

«Благородные юные дамы... я намерен кратко возразить по поводу кое-чего, что иная из вас могла бы высказать, пользуясь тем, что меня уже здесь не будет и некому будет держать ответ...» — начинает рассказчик третье отделение своей композиции. И возникает иллюзия, что перед нами — сам Джованни, веселый, озорной, жизнелюбивый человек, который, вопреки времени и смерти, неизменно является — вместе с актером, чтобы держать ответ перед своими милыми слушательницами, чтобы снова и снова сражаться с пошлостью, с церковным и житейским ханжеством, которые иногда и в наше время не меньше омрачают человеческую радость, полноту жизни, любовь, чем это было во Флоренции четырнадцатого века. Кочарян как бы утверждает, что время, когда Боккаччо «здесь не будет и некому будет держать ответ», никогда не наступит.

Если в «Декамероне» так сильно и радостно звучит у Кочаряна гимн любви, то мысль о глубокой и преданной человеческой дружбе поднята им в композиции «Витязя в тигровой шкуре».

Говоря об этой работе Кочаряна, академик Г. С. Ахведяни высказал удивительно верную мысль: «О классике, окруженной в нашем сознании лишь традиционной славой, мы подчас имеем смутное представление и тем самым лишены эстетического наслаждения от приобщения к ней». Сурен Кочарян теснит в нашем сознании эту «традиционную славую», смывает из нашей памяти этот «хрестоматийный глянец» и захватывает каждого в зале страстями и страданиями героев Шота Руставели. И снова будто сжимается, исчезает время, и полная драматизма и героического накала судьба витязя в тигровой шкуре Таризеля становится нашей заботой, тревогой каждого, возбуж-

дая благородные, лучшие движения сердца.

В самом деле, поиски Таризелем своей возлюбленной, бескорыстная его дружба с двумя другими витязями и смельчаками, подвиги, совершенные во имя счастья, — все это отличается у Кочаряна от наших собственных сегодняшних высоких забот, может быть, лишь наличием непривычных слуху имен и названий да еще некоторой поэтической преувеличенностью страстей, которая как раз и способна сблизить творение далекого от нас мастера-поэта и далекие от нас по времени события в единый узел с нашими чувствованиями.

БЫВАЮТ такие сценические работы, которые заведомо предназначаются для сравнительно короткого существования. Мы, чтецы, среди различных работ делаем и такие, которые отмечают какой-нибудь литературный юбилей или откликаются на чье-то литературное имя. В этом нет ничего дурного: чтецкое искусство чрезвычайно мобильно и может все это делать первым. Но есть и в искусстве художественного чтения такие создания, которые поднимаются по своему значению до уровня классики, до высот общечеловеческих забот и страстей. Такие литературные программы должны звучать на чтецкой эстраде постоянно, подобно тому как всегда должны возвращаться на экраны «Броненосец «Потемкин», «Чапаев» или «Обыкновенный фашизм», подобно тому как никогда не сойдут со сцены Шекспир, Мольер, Островский, Чехов. Именно таким непреходящим значением отмечены монументальные программы Сурена Кочаряна.

Марина РАКОВА,
дипломант Всероссийского
конкурса чтецов